

ОЛЬГА провожает меня до гостиницы. Она в легком пальто с капюшоном, раздумываясь, кудри выбились — многие поглядывают... Ольге ни за что не дашь ее годы. Между тем ей скоро сорок, и время подводить итоги.

Она не стала большой актрисой, как мечталось. Правда, добросовестная, трудяга, «никогда не работала, поплеывая» — это оценка председателя месткома. Но у Ольги всего лишь вторая актерская категория да еще в театре второй категории. Есть квартира и есть ребенок, которому шестой год. И вот уже целый сезон нет ролей.

Городской театр — явление особое. Много раз вспыхивали споры, нужны ли вообще эти нередко очень трудно живущие, материально и творчески маломощные, неважно посещаемые театры. Тот, о котором я пишу, тоже порывался закрыть, превратить в филиал областного — разные были идеи.

Даже среди театров второй категории этот наиболее невезучий. У него нет своего помещения, он арендует на три спектакля в неделю сцену профсоюзного Дворца культуры. Тридцать восьмой год существует и никак не может обзавестись своим углом, крышей над головой.

...Когда Ольга училась в девятом, литературный кружок задумал инсценировать «Русских женщин» Некрасова. Этот момент и оказался поворотным. Хохотушка с тугими щеками сыграла трагическую княгиню Волконскую с такой страстью и неизвестно откуда взявшейся глубиной, что учительница еще на репетициях взволнованно стискивала руки: «Оля, вы рождены для сцены!»

У отца, военного летчика, было свое представление о мире кулис и особенно об актрисах. Он твердо сказал: «Прокляну!». Так отец и не простил ее, ни разу не пожелал увидеть ее хотя бы в одной роли.

Оба эти голоса — восторженный и суровый — звучат в ней. И продолжают свой спор. Когда в позапрошлом сезоне она выходила в самой любимой, самой дорогой для нее роли — Катрин в «Мамаше Кураж» — и каждый миг наполнял ее мукой и счастьем, и зал откинулся, не отпуская, тогда побеждала учительница. Когда же будни обступали, наваливались неприятности, огорчения, звучало отцовское предостережение.

Двенадцать лет человек проработал в одном и том же театре, а на тринадцатый год работы не стало. За четыре месяца она выходила на сцену три раза! Донгрявала в единственном старом спектакле, оставшемся от прошлого сезона. Все остальные снял с репертуара новый главный режиссер. А других ролей Ольге не дал. Ни одной.

Можно ли представить себе, чтобы ткачиха или токарь три дня работали, а сто двадцать гулял без дела?

— Это театр, а не ткацкий цех, — отвечает мою аналогично директор театра. — Учитывайте специфику.

Горком партии он уже убе-

дил, что никакой проблемы нет, одна «специфика». Инструктор звонил в театр, и ему четко объяснили: актриса претендует на роли, которые ей не под силу. Вникать глубже инструктор не стал.

В одной из пьес Э. Радзинского есть смешная реплика. Девушка, однажды снявшаяся в кино и мечтающая попасть в новый — любой фильм, пристает к знакомым: «Пореко-

менуйте меня козю». Ольга тоже как большой удачи дождалась крошечной роли в новогодней сказке. В зимние каникулы, когда, как всегда, актеры нарастают. Тут и наша героиня сыграла кого-то из свиты принцессы. Кончились каникулы — все вернулись на свои места. Ольга — домой.

За сезон в театре поставлено шесть спектаклей. Есть «малогабаритные», есть «многофигурные» — в них заняты 22 и даже 26 действующих лиц. При труппе в тридцать человек да еще в условиях постоянных выездов — только успевай работать. Скорее можно устать от перегрузок. А Ольга устала от простоев. — Творчество — дело тонкое, — упорно ставили меня на место. — При чем тут жалобы, зачем тревожить редакцию, если актрису не видит режиссер. Не видит — и все. Тут уж никто не может ни приказать, ни уговорить.

...На репетиции он нервничает, воздевает руки, подымает голос до срыва, а потом отдыхает, картинно откинувшись, расслабившись. Я смотрю на него в изумлении: может ли быть, что от одного этого человека зависят чья-то биография, чей-то путь в искусстве? Неужели он один может ослепить и может довести до отчаяния?

Перед знакомством с ним я побывала и в профкоме, и у секретаря парторганизации, беседовала с членами худсовета — выясняла мнение коллектива. Председатель месткома — это она отменила трудовые Ольги — на вопрос о занятости Николаевой только развела руками — что ж, мол, поделата, бывает. От секретаря парторганизации — пожилой актрисы — я ждала суждений особенно объективных и взвешенных. Однако она прямо-таки клокотала от ярости: «Жалобы пишите! Без ролей она! Также мне Ермолова!»

Я задавала всем подряд, без выбора, один и тот же вопрос: «Как бы вы поступили на месте Ольги?» Особенно настойчиво женщинам, так как им в данном случае легче поставить себя в предлагае-

мые обстоятельства. Мои собеседницы, увы, не были со мной откровенны, разговаривали уклончиво. И только одна, разгоряченная, прямо со сцены прибежавшая, молодая — моложе Ольги — актриса, исполнительница всех главных ролей в нынешнем сезоне, презрев дипломатию, сказала с вызовом:

— Жалуетесь? Ишь ты! При Волкове, прежнем ре-

жиссере, она не жаловалась. Она у его жены в подругах ходила. А теперь, конечно, пришлось подвинуться. Пускай узнает, каково без работы сидеть.

Мне показалось, что-то начало проявляться. Ольга слишком заметно ожила при Волкове, который продержался в театре всего три сезона. Городские театры обычно страдают от режиссерской чехарды. Тут все наоборот. Волков был эпизодом в жизни театра. А чуть ли не вся остальная история связана с именем одного и того же, теперешнего. Он работал тут восемнадцать лет подряд!

Ольга при нем и начинала. Была молода, он ее охотно занимал, даже утомившись. Потом она стала старше, да и он ставил спектакли как-то устало, после ряда неудач уехал из города, искал счастья на стороне, а не найдя, вернулся. Да-да, нынешний Ольгин «гонитель» и есть тот самый прежний главный, который отсутствовал в театре всего несколько лет. Труппа, в свое время привыкшая к нему, встретила его дружелюбно. Главный ревниво выпросил, а ему в подробностях поведал, что как вел себя в его отсутствие. Ольга, оказавшись, без него буквально расцвела! Ей при новом режиссере поручили интересные роли.

Я уже не застала того режиссера, он проходит стажировку в одном из столичных театров — не так уж плох, значит, и не так уж неправа Ольга, когда говорит о свежем ветре, врывающемся при нем в их застойную атмосферу.

Возвратившийся главный заявил, что изгонит чуждый ему дух. «Это было антихудожественно», — утверждает он и теперь. Сомневаюсь. Но вполне допускаю несходство творческих концепций двух режиссеров. Однако изгонять «чуждый дух» теперешний главный должен был, по моему, только собственным трудом, брать реванш только новыми спектаклями — пусть труппа и зритель сравнивают и судят. А демонстратив-

но и оскорбительно не замечать актрису, лишит ролей, своего пусть скромного места на сцене — это от творчества далековато. И вообще какой широкий простор для произвола и сведения личных счетов открывается, если умело использовать пресловутое: «актрису не видит режиссер». (Видел, видел, а потом перестал). И что возразит актриса? Силы явно неравные. И какая бы ни была Ольга, разговаривать с ней так, как разговаривали даже при мне директор, главный режиссер и секретарь парторганизации, нельзя.

Встретились мне и правдолюбцы. Они писали, звонили, специально приезжали в редакцию, назначали мне свидания на станциях метро. Но это было после. На месте события все молчали, как рыбы. Теперь же горячились, говорили, что Ольгу подло выжидают, — актеры народ эмоциональный. Правдолюбцы готовы были представить факты вопиющих злоупотреблений — по моральной, финансовой части. Тяжело было это слушать. Одного я прямо спросила (лицо у него открытое, мужественное):

— Ну, что ж вы теперь-то? Почему же раньше молчали?

Он вспыхнул. Он совсем недавно сыграл героя, легендарного и бесстрадного.

— Я сам думал: почему все видят и все принимают как должное? Почему вот я не встал на собрании и не сказал? Мне в принципе нечего бояться. Но... Знаете, все же вот так встать в полный рост можно, только если уже решил уйти.

Мы мало знаем о закулисной жизни. Тем не менее мы убеждены: театры — обычные трудовые коллективы, и живут они в полном соответствии с нашим трудовым законодательством. Это верно, конечно, но, как и в других коллективах, нормы нашей морали здесь не с неба сваливаются, а в сложной повседневной жизни утверждаются и соблюдаются. Иногда их торжеству надо поспособствовать, помочь. А для этого глубоко и подробно, каждый день вникать в жизнь коллектива. Небрежение, с которым относятся городские организации к собственному театру, паразитическое равнодушие и неосведомленность, думается мне, играют не последнюю роль в драме Ольги Николаевой, несмотря на ее камерный, интимный характер.

...В антракте мы гуляем с вами по фойе, останавливаемся у портретов, сверяемся с программкой, повторяем имена. И какие лица смотрят на нас с парадной стены! Веселые, нежные, чуть наивные или, наоборот, глубоко-мысленные. Но ни одного несчастного. Зрителям не надо знать о горестях этих людей. Они — актеры.

Я стою у такого же стенда, где лучезарно улыбается и Ольга. Стою и думаю: неужели был прав ее суровый отец и достойна запоздалого осуждения восторженная учительница?

Г. УЖОВА.

этика творческого коллектива

АКТРИСА ВТОРОЙ КАТЕГОРИИ